

— Не говори так, — Хань Моси действительно поперхнулась от этих слов. — Ладно, я не собираюсь лезть не в свое дело. Раз уж мы сменили место, скажи, сколько нам еще до цели?

— Ну... сказать по правде, не так уж и далеко, но идти еще придется. Можно было бы переместиться поближе через зеркало, но я не очень хорошо знаю ту местность. Если мы наткнемся на кого-нибудь, мне будет трудно придумать оправдание, почему я таскаюсь с тобой. На автобусе тоже можно, но у тебя ведь нет денег, верно?

— ...

Хань Моси чувствовала: если она продолжит заострять на этом внимание, виноватой в конечном итоге окажется она сама.

— Э-э, раз еще идти, расскажи-ка мне, что произошло за то время, пока меня не было. Считай это беседой за обедом.

Хань Моси решила вернуть разговор в прежнее русло.

— Пф, неважно. Все равно делать нечего.

Мо Тяньсы, шагая впереди и показывая дорогу, начала свой рассказ:

— В общем, когда я слонялась по округе, наткнулась на одного беспризорного сопляка. Разговорились, и я узнала, что его мамаша отдала концы.

— ...

Слишком много абсурда, даже комментировать не хочется.

— Потом он заявил, что цепочка, которую он носит — это наследство от матери. Я глянула: да это же дешевка из соседнего магазина по сорок юаней за штуку! Кто вообще додумается дарить такое в качестве реликвии? Ну да неважно. Я предложила ему продать мне её за четыреста.

— ...

Хань Моси чувствовала, как её логика умирает. Она совершенно не понимала ход мыслей идущей впереди девушки.

— Ну, он не отдал, пришлось её сломать.

...Что вообще творится с этим человеком? Но она боялась, что если спросит, то сама же и проиграет.

— А, почти пришли. Вот, отсюда уже видно.

Услышав это, Хань Моси подняла голову и увидела на северо-западе многоэтажку, обнесенную сигнальной лентой. Вокруг толпились зеваки и репортеры. Будь у Хань Моси хоть какое-нибудь средство связи, она бы сразу поняла, что это место — эпицентр главных новостей сегодняшнего утра. Жильцы новостройки, едва успев заселиться, все как один скончались при невыясненных обстоятельствах. А на месте происшествия люди видели ослепительную белую вспышку.

К восьми часам утра стало известно, что этим делом занимается пресловутый Отдел по борьбе со специальными происшествиями — организация, о которой ходило множество слухов в духе зачем вообще нужно это сборище бездельников, но которая, тем не менее, продолжала существовать.

Конечно, толпа здесь собралась еще и потому, что здание находилось прямо у оживленной транспортной развязки. Но у Хань Моси связи не было, поэтому она ничего не знала.

— Давай поделимся и поищем, где можно пробраться внутрь, — сказала Мо Тяньсы и, толкнув Хань Моси влево, сама направилась вправо.

Надо бы сначала разведать обстановку, подумала Хань Моси и не стала сразу искать лазейку. В такой ситуации репортеры куда надежнее зевак... хотя в реальном мире журналисты вряд ли стали бы с ней разговаривать. Но кто знает, как всё устроено в этом мире?

Она огляделась, нашла человека, похожего на репортера, и подошла к нему:

— Вы снимаете?

...Что за идиотское начало. Хотя сама Хань Моси понимала, насколько это глупо, но разговор нужно было продолжать.

— Могу я спросить, что здесь произошло?

— ...

Человек промолчал.

— Э-э, прошу прощения, если помешала... если не хотите отвечать...

Если спросить Хань Моси, было ли ей неловко, она бы ответила — да, безумно. А дальше последовало кое-что еще более неловкое.

— Ты всё еще здесь? Отлично, не пришлось тебя искать. Я нашла, как пробраться внутрь.

Мо Тяньсы внезапно подбежала к ним. Но самое постыдное случилось дальше: она бросила взгляд на того самого предполагаемого репортера, с которым только что говорила Хань Моси, и одним пинком опрокинула его штатив. Фотоаппарат, разумеется, рухнул на землю и разбился.

— ...Ты... что творишь?

Хань Моси поняла, что в этот раз ей действительно необходимо спросить.

Мо Тяньсы никогда не была хорошим человеком. В средней школе она влачила жалкое существование, не то что об учебе — даже аттестат не получила, и в итоге стала мелкой воровкой. На самом деле, ей было плевать, что она — паразит на теле общества, живущий на пособия, хотя воровство — занятие куда более гнусное.

Если говорить о том, что толкало её на кражи, так это, пожалуй, желание видеть лица людей, теряющих что-то важное. Для неё самой не было ничего ценного, ничего, чего бы она ждала. В каком-то смысле, всё в жизни казалось ей закономерным и лишенным сюрпризов, поэтому вид чужого горя вызывал у неё странное чувство превосходства: она-то знала, что сама никогда не опустится до такой истерики.

Иногда она планировала свои вылазки, но намеренно оставляла в них лазейки. Особой причины не было — просто так интереснее. Конечно, если бы её поймали, она бы пришла в ярость.

Разве люди не считают имущество чем-то важным? Вот я и пришла его украсть. Таково было определение её воровства.

Однажды глубокой ночью, выйдя из дома, она услышала шум в переулке. Заглянув туда, она увидела оборванного человека в крови, который с трудом полз по земле. Ноги его, видимо, отказали. В руке он судорожно сжимал карточку.

...Судорожно — это лишь с точки зрения изможденного мужчины. Мо Тяньсы без труда вырвала её из его пальцев. В тот же миг в глазах мужчины отразилось полное замешательство, сменившееся яростью. Он из последних сил потянулся, чтобы вернуть карту, но Мо Тяньсы лишь слегка подняла руку — и лежащий на земле человек не смог дотянуться.

Мужчина открыл рот, словно хотел что-то сказать, но из горла вырвались лишь невнятные хрипы. Мо Тяньсы смотрела на него сверху вниз, а он пытался встать, чтобы дать отпор, но всё было тщетно. Его взгляд постепенно угасал, наполняясь бессильной досадой, после чего он закатил глаза и испустил дух.

Комично.

Подумав так, Мо Тяньсы невольно рассмеялась. В этот момент в капле воды, упавшей с края крыши, отразился силуэт монстра.

Мо Тяньсы без труда приняла существование монстров в этом мире и включила переезд в свои планы, хотя и не собиралась рисковать жизнью ради осуществления желаний. А до переезда, получив способность перемещаться через зеркальные поверхности и управлять скоростью течения времени с помощью карт, она начала действовать еще более бесцеремонно. Конечно, она не предполагала, что однажды её поймают, когда сильный ветер высушит лужу, лишив её пути к отступлению, а украденным окажется всего лишь пустой кошелек. Впрочем, даже несмотря на то, что использование способности замедлять время стоило ей огромного количества жизненной энергии, её это не заботило.

После переезда она, конечно, не возражала против того, чтобы и дальше жить за счет общества, но не оставила и привычки воровать. В этом городе, где у неё не было ни близких, ни друзей, её первой целью стал отец, чья дочь попала в аварию и которому нужно было собрать деньги на операцию. Самым ценным для него была, разумеется, дочь, а операции — вещь недешевая.

В тот день в больничной сети произошел сбой. Отцу пришлось нести огромный черный чемодан с деньгами для оплаты наличными. Несмотря на то, что операция была плановой, в такой большой больнице всегда были очереди. На самом деле, одну операцию уже сделали, состояние девушки было стабильным, но она не могла обходиться без аппаратов жизнеобеспечения. Деньги требовались не только на предстоящую операцию, но и на оплату пребывания в клинике. Медсестра сказала, что позовет его, когда придет время платить.

Несколько дней суматохи вымотали мужчину, и, ожидая своей очереди, он невольно закрыл глаза.

Всего на минутку, только на минутку.

Так он подумал и уснул. А в это время из стоявшего рядом зеркала вышла Мо Тяньсы.

В последний раз она видела этого человека в агентстве недвижимости. Отец продавал свой дом, а Мо Тяньсы выкупила его на те самые деньги, украденные из черного чемодана. Дочери не стало, часть денег на операцию была взята в долг, и теперь, когда денег не было, мужчине пришлось продать дом, чтобы расплатиться с долгами. Он обращался в полицию, но вора так и не нашли.

— Хотя, возможно, не стоит спрашивать, но почему вы решили продать дом? — Мо Тяньсы, подписав контракт, одарила его дежурной профессиональной улыбкой.

— Это... долгая история моей дочери...

Мужчина, не подозревая, что перед ним стоит виновница всех его бед, начал рассказывать эту печальную и в то же время нелепую историю.

Из-за этого его дочь погибла. Смешно.

Слушая его, Мо Тяньсы от души рассмеялась.

— Моя дочь... она была примерно вашего возраста, может, чуть младше? Она училась в университете, только-только закончила. Она возвращалась с выпускного... Она так любила красные лилии, мы договорились, что как только она вернется домой, я подарю ей огромный букет. Она уже нашла работу, зарплата небольшая, но ей нравилось то, чем она будет заниматься... Как же я получил это известие... Вам ведь тоже едва за двадцать, а вы уже купили дом, молодец... Эх...

Отец продолжал говорить, в его голосе сквозила печаль, но уголки губ едва заметно дрогнули в улыбке — возможно, воспоминания принесли ему хоть какое-то утешение. Но для Мо Тяньсы это было лишь очередным развлечением.

— Контракт я передала, пойду.

Такие люди, если начнут вспоминать, не остановятся до самого вечера. Мо Тяньсы явно не относилась к тем, кому интересны подобные истории. В этот раз она получила достаточно удовольствия, и теперь нужно было искать новую цель. Она не была сторонницей эффективности, скорее — тем, кто получает удовольствие от чужих страданий, но подобные истории были ей не просто неинтересны, а даже противны.

Итак, цель — получить чувство превосходства и значимости за счет жертвы — была достигнута. Человек перед ней больше не представлял никакой ценности. Она без колебаний ушла.

Встреча с девушкой, погибшей в той аварии, — это уже совсем другая история.

В тот день лил проливной дождь. Мо Тяньсы слегка наклонила голову, стряхивая капли, но это было бесполезно — в следующее мгновение волосы снова промокли насквозь.

— Tufuiegoeris.

Она тихо прочитала строчку, высеченную на надгробии под именем.

— Ого, не ожидала. Эпитафия — и такая поэтичная? Совсем не в твоём стиле, хотя я тебя совсем не знаю, хе-хе.

Вокруг валялись побитые дождем, пожухлые кленовые листья, в мрачной обстановке не было ни капли красоты.

— Говорю же, считай, что ты мне должна.

Мо Тяньсы протянула букет красных лилий, который держала в руках, и безжалостно швырнула его в грязь, словно всё то благоговение, с которым она несла его до этого, было лишь игрой. Букет, промокший под дождем, совсем не походил на подарок, а в грязи стал и вовсе незаметным.

— Хотя мне плевать на лица мертвецов... — проговорила воровка и растворилась в дожде. — Но что для тебя было самым важным? Позволь мне это отнять.

Больше она здесь не появлялась.

— Тот полицейский тоже здесь. В общем, иди за мной.

— Нет, постой, ты сначала...

Хань Моси хотела расспросить её, но Мо Тяньсы, схватив за шиворот, потащила её в узкий проход между этим жилым комплексом и соседним зданием.

— Такая явная лазейка. Только не говори, что это тот полицейский её подготовил — это было бы слишком скучно. Ах да, не отставай.

В конце прохода была лужа. Мо Тяньсы шагнула в неё и медленно провалилась сквозь поверхность. Конечно, не потому, что она была глубокой — зеркальное перемещение работало и через воду.

Раз уж она ушла, чего стоять и спрашивать? Хань Моси без колебаний последовала за ней.

...А куда именно — это уже было делом Оникса. Хань Моси верила, что в таких вопросах Оникс её не подставит.

Ощущение от перемещения через воду слегка отличалось от предыдущего — головокружение стало еще сильнее. Ведь до этого перемещение было вертикальным, а теперь — горизонтальным. От этого тошнило еще больше.

Но процесс был неважен. Итог: Хань Моси снова ударилась затылком о пол и лежала, тупо глядя в потолок, не в силах прийти в себя.

— Эй, дурочка.

Это был голос Оникса. Хань Моси сделала резкое движение всем телом и села.

— Маленькое дружеское напоминание: тот парень, к которому ты подходила, — тоже обладатель карты.

...А?

Хань Моси остолбенела. Откуда такое совпадение?

— ...Но сейчас-то что толку говорить? Мог бы и раньше предупредить. Хотя правда ли это? Как может быть такое совпадение?

— Правда-правда. Это он. Такой же надоедливый и скучный, как тот полицейский.

На этот раз подала голос Мо Тяньсы. Хань Моси повернула голову и увидела, что та лениво прислонилась к стене и смотрит на часы.

— ...Нет, стоп. Почему ты пнула его штатив?

Хань Моси поспешила спросить: даже если они знакомы, так поступать нельзя.

— А? Почему? Потому что это приятно. К тому же, странно как-то, когда парень любит фотографировать. Но я сломала его не поэтому, просто почувствовала, что так будет приятно. А если подумать, раз тот полицейский всё еще рядом, понаблюдать за ним подольше — неплохой вариант.

— ...

Хань Моси замолчала. Ей даже не хотелось продолжать разговор, потому что она поняла: ей никогда не понять логику Мо Тяньсы. Сделать что-то просто потому, что это приятно... ладно, допустим. Но почему её так задело, что он любит фотографировать? И вообще, не факт, что любит — может, это его работа? На репортера он не очень был похож, но судя по экипировке —

профессиональный фотограф.

— Кстати, спасибо, что отвлекла его внимание. Я давно хотела это сделать, да всё не удавалось.

Мо Тяньсы, видя, что Хань Моси молчит, добавила это напоследок.

— Если хочешь отблагодарить — верни мне кошелек, как насчет этого?

Хань Моси, уже отказавшаяся от попыток понять мышление Мо Тяньсы, попыталась вытребовать свой кошелек обратно.

— Кроме словесной похвалы, тебе нужно что-то еще в качестве благодарности?

— Ну да, если бы ты согласилась, ты бы не была собой.

Хотя понять это было невозможно, Хань Моси начала осознавать основные принципы действий Мо Тяньсы... хотя называть это принципами было странно, так как с этим словом человек был совершенно несовместим.

— Вместо этого давай лучше обследуем окрестности. Это еще не заселенная часть жилого комплекса... А, кажется, она еще не достроена, так что полицейские вряд ли сюда сунутся. Но нельзя исключать, что им станет скучно и они забредут сюда. Посмотрим, есть ли пути для отступления, а остальное обсудим вечером.

— ...Вечером мы снова сюда вернемся?

— Полицейские сюда не придут, нам здесь делать нечего, монстров тут тоже нет. А идти сейчас туда, где уже есть трупы — значит столкнуться с полицией лицом к лицу. Это же самоубийство.

— Понятно. То есть ты хочешь сделать это место нашей базой?

— А что же еще? В этот раз всё вряд ли пройдет так гладко, как в прошлый. Готова?

— Сейчас говорить, что нет, уже бессмысленно.

— Ясно... Видимо, я задала лишний вопрос. Тогда решено. Хотя разделяться немного тревожно, но ради эффективности: ты обследуй верхние этажи, а я — нижние. Здание почти готово, планировка у таких квартир везде одинаковая, так что тебе достаточно просто бегло осмотреться.

— ...Я внезапно осознала, что мои действия вообще лишены смысла, верно?

И правда. Какая разница в планировке? Какой смысл разделяться? Хань Моси это поняла.

— Нужно же тебя хоть чем-то занять.

— То есть это просто бессмысленная работа?

— Ну, как раз когда придет время делить добычу, я смогу вычесть из твоей доли за это.

— Эй! Ты же только что это сказала! И не используй слово добыча!

— На самом деле, вычеты — это просто ради интереса. Получить чуть больше для меня не имеет смысла. Я просто хочу найти занятие поинтереснее, так что то, как мы поделим — зависит от моего настроения.

— ...

Хань Моси снова замолчала. Она поняла, что их сотрудничество держится исключительно на прихотях Мо Тяньсы, и у неё самой нет никакого права голоса. Но она всё равно должна была возмутиться: работать с таким человеком — это же ненадежно! Что значит зависит от настроения?!

— Чтобы ты не потащила меня за собой на дно, если попадешь в неприятности — просто беги. Всё, давай, пока.

Сказав это, Мо Тяньсы повернулась и пошла вниз.

...Какое еще пока? Она что, решила, что я уйду, а потом мы встретимся вечером? — недовольно подумала Хань Моси.

Когда Мо Тяньсы ушла, у Хань Моси появилось время оглядеться. Она стояла на лестничной площадке, а в углу висело зеркало... Зачем здесь зеркало? Что за странная планировка?

Несмотря на недовольство планом Мо Тяньсы, спорить с ней на этом месте было бессмысленно, поэтому Хань Моси послушно пошла вверх. В квартирах на верхних этажах даже двери еще не были установлены, поэтому она зашла в первую попавшуюся — Мо Тяньсы ведь сказала просто осмотреться.

Квартира выглядела совсем недостроенной... И в таком состоянии комплекс уже начал частично заселяться?

На подоконнике был проем, но стекло еще не вставили, а сверху лежал толстый слой пыли. Хань Моси хотела проверить, нет ли в других комнатах чего-то особенного, но едва она вышла...

<http://bllate.org/book/18604/1791501>